



«УТВЕРЖДАЮ»

Зам. Директора
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института востоковедения РАН
член-корр. РАН А.К. Аликберов
«24» апреля 2019 г.

Отзыв ведущей организации

Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения РАН на диссертацию Рагозиной Софьи Андреевны «Политический образ ислама (на материале центральных российских печатных СМИ, 2010-2017)», представленную на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии

Тема диссертационного исследования Софьи Андреевны Рагозиной звучит оригинально и научно значимо. Ислам, пресса и политика на постсоветском пространстве и в целом в современном глобализованном мире вызывают интерес у специалистов из разных гуманитарных дисциплин. О политизации ислама после выхода его в публичное пространство с прекращением советских гонений на религию в последние десятилетия написаны горы литературы. Часть из этих работ, касающаяся проблематики диссертации, достаточно полно представлена в исследовании. При этом, по справедливому замечанию диссертанта, современное коммуникационное пространство, связанное с производством популярного знания об исламе и политике практически не служило предметом специального комплексного исследования, хотя отдельные работы на эту тему в русско- и англоязычной литературе имеются. Для осуществления этой задачи совсем не нужно быть исламоведом и уметь читать сложные казуистические тексты на восточных языках и со специфической лексикой. Язык СМИ совсем иной; они ведь должны не изучать, а пропагандировать и тиражировать много более примитивные, но популярные идеи, зачастую не имеющие ничего общего с исламом. Однако здесь важнее владеть методикой современных общественных наук, позволяющих проанализировать массовые представления об исламе, понять механизмы их воспроизводства и использования во внутренней политике.

Диссертация показывает, что ее автор хорошо знаком с этими методиками, разработанными в корпусной социолингвистике и отчасти политологии. Обоснованно использование в исследовании критического дискурса анализа Н. Фэрклоу, скорректированного при помощи установок гегемонист-

ского дискурса в постструктуралистской теории Э. Лакло и Ш. Муфф. Опираясь отчасти на количественные методы социолингвистов Рагозина проанализировала колоссальное число газетных публикаций – 20699 статей в 6 влиятельных центральных газет Москвы за последнее 8 лет, привлекая к тому же Интернет-материалы СМИ. Работа с корпусом выполнена в онлайн-интерфейсе Sketch Engine, разработанном в Бирмингемском Университете, а также в программе Antconc. В результате создана внушительная база данных, в которой собраны все публикации ведущих российских газет, от новостей до интервью и экспертных заключений, так или иначе затрагивающие тему ислама. Итоги работы с ней отражены в 18 таблицах, содержание которых детально проанализировано по ходу работы. По утверждению диссертанта, собранные ею источники являются открытыми для русскоязычного научного сообщества и могут быть использованы для продолжения изучения различных аспектов ислама в России, а также для сравнительного исследования политических репрезентаций ислама в России и в европейских странах. Большая роль, придаваемая в работе методологии, объясняет выделение в отдельную первую, а историографии – во вторую главы.

При этом, обзор литературы во Введении не дублирует содержания второй главы диссертации, представляющей самостоятельное историографическое исследование, анализирующее подходы к проблематике диссертации в современной науке. Здесь автор вполне резонно определяет объект исследования, отделяя репрезентации ислама во немусульманской среде от собственно исламских религиозных практик. Верно отмечены некоторая неразвитость языка описания политологов, исходной установкой которых остается изучение банальнейших проявлений исламофобии. Не понятно при этом только, зачем было давать на с. 8–12 избыточный хвалебными отзывами ритуальный перечень отечественных исследователей мусульманских обществ и ислама, подавляющее большинство из которых никогда не занималось сюжетами, разбираемыми в диссертации. Исследование посвящено не исламу и исламоведению является для него не историографией, а скорее ис-

точником, равно как ориенталистика для концепции ориентализма Э.У. Саида. Кстати, большинство из перечисленных здесь работ не относится к классическому текстологическому исламоведению. Это утверждение на с. 8 неверно, да и не нужно. Стоило бы включить в обзор книгу Г.Р. Банта (Bunt), недавние диссертации Д.М. Гараева и Г.Р. Сибгатуллиной (Нидерланды, 2018). Без обоснования остался выбор хронологических рамок (см. с. 20, 47).

Вполне убедительно звучит гипотеза о том, что репрезентации ислама в российских СМИ не сводятся к исламофобии как культурному наследию ориентализма, охарактеризованного еще Саидом. Они представляют разнообразные дискурсивные практики (с. 6), которые могут весьма странно соединяться в головах журналистов и экспертов. Уместны в работе ссылки на подходы неокансиарнскую лингвистику (аналитическое понятие «коллокаций», с. 31–34 и далее), а также на работы Саида и Т. Асада (с. 19, 58 и далее). Рагозина верно отмечает релевантные для диссертации положения концепции Саида, выделенные Б. Тёрнером (с. 57), но недостаточно критично относится к наследию создателя парадигмы ориентализма, между тем как сама указывает на сосуществование и соперничество в русскоязычном федеральном медийном поле нескольких дискурсов (хотя и не называет их четко), что не укладывается в более жесткую модель Саида, за что его справедливо критиковали, в частности исследователь российской (пост)имперской ориенталистики В. Тольц. Кстати, понятие «дискурс» не всегда употребляется корректно. Из характеристики «дискурса об исламе» в СМИ остается непонятным, в чем конкретно кроме исламофобских страхов перед «нетрадиционным», «радикальным исламом» он заключается. Эклектические и убогие описания Р.А. Силантьева и в особенности Р.Р. Сулейманова не представляют собой отдельные дискурсы, как это утверждается в диссертации (с. 137) и, похоже, не так влиятельны, как кажутся (с. 138).

Структура исследования построена логично. Оно состоит из введения, шести глав и заключения. В первой главе обоснован выбор теоретических рамок исследования, охарактеризованы его методы и эмпирическая база.

Вторая глава посвящена анализу имеющейся исследовательской литературы. В последующих трех главах представлена эмпирическая часть работы. В третьей главе проанализированы основные дискурсивные стратегии формирования негативного образа ислама. Каждый параграф посвящен одной из 5 выявленных социолингвистических стратегий: дихотомии радикального и традиционного ислама; категории действия; категории количества и гомогенизированного восприятия исламской традиции; криминализации нейтральных коннотаций; ложного понимания внутренних исламских понятий. В четвертой главе диссертант пытается охарактеризовать исламофобию, на которую указывают рассмотренные дискурсивные стратегии. Дискурс о традиционном исламе оказывается полностью зависим от дискурса радикальном исламе, выступая как реакция на угрозу радикального ислама. Пятая глава рассматривает «алармистских» и иных околонаучных экспертов как акторов воспроизводимого ими исламского дискурса. Наконец, в завершающей шестой главе рассматриваются проблемы востребованности негативного образа ислама как в медийном, так и во властных политических сегментах российского публичного пространства, включая руководителей централизованных мусульманских организаций (ДУМ).

В целом содержание и выводы работы не вызывает нареканий. Можно сделать несколько замечаний, вызванных, возможно, ее междисциплинарным характером. Хронологические рамки диссертации определены 2010–2017 гг., но как верно указывает автор, *terminus ante quem* следует сдвинуть в последнюю четверть XX в., ко времени Афганской войны 1979–1989 г. и первой Чеченской (с. 6), когда были определены многие установки официального нарратива о современном исламе и сложились взгляды ряда экспертов, разбираемых в работе. Похоже, его можно отодвинуть чуть ранее, к началу Исламской революции в Иране. Именно в это время начинают складываться негативные представления об «исламской идеологии», «радикальном» или «политическом» исламе. Корни разбираемых в диссертации дискурсов явно уходят ранее, в колониальную эпоху. Поэтому Рогозиной стоило бы учесть

поздние советские, если не более ранние колониальные коннотации целого ряда ориенталистских понятий, по ее мнению, определяющих исламский дискурс, общих понятий. В первую очередь, к ним относятся, давно отвергнутые в исламоведении, но привычные для русскоязычных «экспертов» и транслирующих их утверждения журналистов термины «ортодоксальный», «классический» ислам, исламский «фундаментализм» и проч. Похоже, политическое, научное и социальное значение экспертов, особенно не адекватных для научного сообщества Сулейманова и Силантьева, Курьянова, а также Сатановского преувеличены. Не хватает доводов, чтобы принять все выводы диссертанта в этом отношении.

При всех достоинствах исследования, в нем встречаются некоторые погрешности и неточности, в основном при обращении к понятиям исламоведения. Явно «хромает» и транслитерация неизбежных восточных терминов, в основном арабского происхождения. Понятно, что в постсоветской публицистике начала нового тысячелетия в этом отношении царит полный разброд, вызванный некомпетентностью авторов, пишущих об исламе и от лица ислама. Более логичным здесь было бы использовать упрощенную транслитерацию понятий арабского происхождения. Между тем диссертант просто копирует свои источники. Стоило бы отметить их недостатки в этом отношении. Это касается разноречия в принятых написаниях, например, названий политических партий Хезболлах и Хизб ат-Тахрир (в диссертации то так, то Хизб-ут-Тахрир, то совсем неграмотно Хизбут-Тахриир) (с. 88, 142, 143, 162, таблица на с. 168, 171, сноска на с. 187 и далее). Встречаются и отдельные опечатки, например в написании инициалов американо-российского исламоведа А.Д. Кныша, проходящего на с. 8 под инициалом В., но в сноске на с. 9 под своим подлинным именем.

Высказанные выше замечания не принципиальны. Они не умаляют отмеченных нами достоинств работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям и соответствует параметрам, содержащимся в пункте 8 Положения ВАК о присуждении ученых степеней.

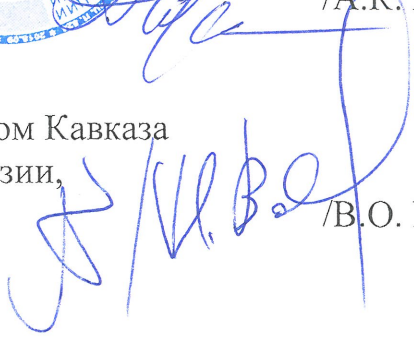
Основные положения диссертации апробированы на научных конференциях и отражены в научных публикациях, включая периодические издания, рекомендованные ВАКом. Автореферат точно отражает содержание диссертационного исследования и соответствует всем требованиям. Рагозина Софья Андреевна вполне заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН 24 апреля 2019 г. (протокол № 7).

Составитель отзыва – специалист по истории и этнологии ислама кандидат исторических наук Бобровников Владимир Олегович. В настоящее время Бобровников В.О. работает в должности старшего научного сотрудника Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. Контактные данные Института востоковедения: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12, тел. 8(495)625-64-61, эл. почта inf@ivran.ru. Контактные данные Бобровникова В.О.: тел. 8(495)431-0301, эл. почта vladimir_bobrovn@mail.ru.

к.и.н., заместитель директора
Института востоковедения РАН  /А.К. Аликберов/

к.и.н., заведующий
Центром изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья  /А.К. Аликберов/

к.и.н., с.н.с., заведующий сектором Кавказа
Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья  /В.О. Бобровников/